

альным судебным присутствием Верховного Суда СССР к расстрелу за «измену Родине, совершение террористических актов и участие в антисоветской изменнической группе»²⁰, ничем не отличалась от участи предшественников — Г. Ягоды, Н. Ежова и тысяч других чекистов: в условиях советской политической системы 1930–40-х — начала 50-х гг. это явление было неизбежным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 / Справочник М., 1999. С. 114–115.
- ² См.: Корнилов Г.Е. Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993. С. 98.
- ³ Архив УФСБ РФ по Свердловской области (АУФСБ РФ СО). Ф.1. Оп.1. Д.223. Л.1–576.
- ⁴ АУФСБ РФ СО. Ф.1. Оп.1. Д.98. Л.34–36; Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Ф.3. Оп.9. Д.125. Л.44–46; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.9479. Оп.1. Д.79. Л.200; Д.107. Л.58; Д.156. Л.162, 163; Д.161. Л.264, 265 об.; Д.169. Л.25, 26, 33; Д.171. Л.68, 69, 209, 261, 272; Д.172. Л.46 об., 302, 306; Д.223. Л.72, 73; Д.229. Л.16, 201; Д.203. Л.294; Д.233. Л.75; Д.240. Л.241, 269, 270, 303.
- ⁵ АУФСБ РФ СО. Ф.1. Оп.1. Д.103. Л.125–127; Д.119. Л.1, 2, 32 об., 36, 47 об., 55 об., 79, 80, 87, 88, 98, 99, 117, 118, 137, 138, 140, 165, 208, 213, 214 об., 221; Д.128. Л.240.
- ⁶ ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.9. Д.125. Л.11, 12.
- ⁷ ЦА ФСБ России. Ф.4. Оп.3. Д.1286. Л.2.3; Д.1298. Л.1–3, 104, 105; Д.1301. Л.2–4; Д.1303. Л.36–38; Д.1320. Л.79; Д.1325. Л.2, 3; Д.1328. Л.2–4; Д.1332. Л.114–116; Д.1333. Л.36; Д.1344. Л.1–3; Д.1346. Л.2; Д.1348. Л.109–111; Д.1350. Л.62–67; АУФСБ РФ СО. Ф.1. Оп.1. Д.223. Л.57, 57–а. 57–б.
- ⁸ Демидов А.М. Деятельность органов государственной безопасности в сфере экономики в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.–Великий Новгород, 2001. С. 120–121.
- ⁹ ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.8. Д.62. Л.5, 6.
- ¹⁰ Там же. Л.7, 8.
- ¹¹ ЦА ФСБ России. Ф.66. Оп.1–Т. Д.158. Л.207, 208.
- ¹² Вольхин А.И. Информационная деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала и Сибири) // Урал индустриальный. Бакунистские чтения: Материалы VI Всерос. науч. конф., 7 апреля 2004 г.: В 2-х тт. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 42–54.
- ¹³ ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.9. Д.125. Л.81, 82, 127.
- ¹⁴ Там же. Л.126–129, 137, 138, 142, 148, 149.
- ¹⁵ Там же. Л.83–85.
- ¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.127. Д.788. Л.83–86, 89; ЦА ФСБ России. Ф.3. Оп.9. Д.125. Л.33.
- ¹⁷ Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ.соч. С. 115.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. II.
- ²⁰ См.: Лаврентий Берия. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 390.

*С.В. Воробьев
(Екатеринбург)*

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ КОММУНИСТОВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

В отечественной историографии, особенно советского периода, проблема существования религиозных верований среди коммунистов не изучалась. Считалось само собой разумеющимся, не подлежащим сомнению, что коммунист является носителем атеистического мировоззрения, ему чужды религиозные предрассудки. Историки партии рассматривали эту проблему, исходя из догмата о том, что идейной основой партии большевиков являлось материалистическое учение К. Маркса. Идеологи коммунистической доктрины крайне негативно относились к религии, считая ее средством порабощения народа. Лидеры большевистской партии также рассматривали религию как социальный институт, противостоящий марксизму. В.И. Ленин писал по этому поводу: «Социал-демократы не разделяют воззрений христианской религии... в силу нашего научного, материалистического мировоззрения... и в силу наших общих задач борьбы за свободу и счастье трудящихся, мы, социал-демократы относимся отрицательно к христианскому учению»¹.

На современном этапе развития историографии исследователи пытаются по-новому

взглянуть на проблему «религия и коммунисты». Обращение к историческим свидетельствам показывает, что ответ на этот вопрос не является однозначным.

Данные партийной переписи 1922 г. подтверждают положение советской историографии об отрицательном отношении коммунистов к религии. Все коммунисты Елагеринбургской губернии, попавшие в выборку нашего исследования, заявили об отсутствии у них каких-либо религиозных убеждений. Однако достоверность этих ответов можно поставить под сомнение, т.к. необходимо учитывать исторические условия, в которых проводилась перепись.

Вопрос переписной анкеты об отношении к религии оказался одним из самых «неудобных», часто вызывая у коммунистов удивление. Как отмечали регистраторы «вопрос о религии вызвал отрицательное отношение, “[возмущение]” (слово зачеркнуто — С.В.) удивление [вопросом] о религии, спрашивали для чего такой вопрос в бланке “А”»². Такая осторожность, а иногда и резко негативная реакция членов партии были вполне объяснимы. С одной стороны, этот вопрос затрагивал личную духовную сферу человека, с другой стороны — была хорошо известна официальная партийная позиция в отношении церкви и религии, которая реализовывалась на практике. В ходе неоднократных чисток одной из причин исключения из партии большевиков являлись именно религиозные убеждения людей. Так, по результатам партийной чистки 1921 г. из губернской партийной организации за религиозные взгляды было исключено 5 % коммунистов³. Поэтому партийным органам накануне переписи пришлось рассылать дополнение к «Инструкции о переписи» относительно содержания бланка “А”, в котором разъяснялось, что «п.10 отнюдь не преследует полицейские меры. Искренняя вера (обрядовая запрещена соответствующим циркуляром ЦК) товарища во что-то или боязнь чего-то “свыше” должна быть изжита не наказанием, и агитпропагандистской работой»⁴. Можно с уверенностью сказать, что данное разъяснение не произвело должного эффекта, так как, во-первых, оно не было доведено до большинства регистраторов, а, следовательно, и до опрашиваемых коммунистов. Во-вторых, рядовые члены партии равнодушные к вопросам веры не разделяли обрядовую и содержательную стороны религии, для них это были неразделимые понятия религиозного мировоззрения, что особенно явственно проявляется у исповедующих ислам. К тому же вызывает сомнение, что члены партии, по крайней мере, их большинство, были в состоянии уловить все тонкости и нюансы религиозной политики центрального партийного руководства, которая могла меняться под влиянием политической конъюнктуры. В связи с этим, нельзя исключать того, что какая-то часть членов партии скрывала свою религиозность, опасаясь исключения из ее рядов.

Как показывает обращение к другим историческим источникам, у многих членов партии существовали элементы религиозной веры, по крайней мере, на уровне обыденного сознания. И для их существования имелись серьезные основания. Российское общество начала XX в., несмотря на серьезные социальные потрясения, во многом оставалось обществом традиционным, покоившимся на патриархальных ценностях, в том числе и морально-религиозных. Религиозность была характерной, неотъемлемой чертой общественной жизни Российской империи, присущей всем социальным слоям и этносам России, ее («культурным кодом»).

Учитывая данные обстоятельства, вызывает сомнение столь быстрое и радикальное преодоление религиозного мировоззрения и верований членами РКП(б) и их безусловный переход на позиции атеизма, каким оно предстает по результатам партийной переписи 1922 г. Ведь даже во второй половине 1930-х гг., когда антирелигиозная пропаганда должна была искоренить из сознания советских людей все религиозные верования и предрассудки, по данным переписи 1937 г., среди грамотного населения верующие составляли 44 %. Среди грамотной молодежи от 20 до 29 лет, выросшей уже при советской власти, верующие составляли 38 %⁵.

Исторические реалии свидетельствуют о том, что в начале 1920-х гг. религиозные представления являлись частью мироощущения определенной части коммунистов. Только они

существовали, как правило, не в явной, а скрытой форме. Поэтому таких фактов в исторических источниках удается отыскать немного, но все-таки они есть и при должном усердии историки способны заполнить этот пробел отечественной историографии. Уральский историк А.В. Лямзин отмечает: «Анализ прессы показал, что обыденная религиозность продолжала сохраняться не только у крестьян, но также среди учителей, партийцев и комсомольцев»⁶. При этом, говоря о религиозности, необходимо разделять приверженность официальному вероучению православной церкви и народную веру, массовую религиозность, существенным компонентом которой были народные суеверия. Эти составляющие религиозности представляли собой «хотя и пересекающиеся, но все же не совпадающие явления»⁷.

Крестьяне, как основные носители религиозных представлений, к началу 1920-х гг. составляли существенную часть РКП(б), несмотря на «антикрестьянскую» по своей сути кадровую политику партийного руководства при приеме в партию новых членов. Но партийные «фильтры» не выдержали мощного напора крестьянской массы. Пролетарская по своей идеологии партия «окрестьянилась» в социальном смысле, ее социальный состав стал отражать социальную структуру российского общества.

Прежде всего проявления религиозности и следование религиозным традициям наблюдались в среде сельских коммунистов. Они продолжали достаточно активно отправлять религиозные обряды, связанные с повседневной жизнью: крестили детей, венчались в церкви, отпевали покойников⁸. Не отставали от крестьян и коммунисты-рабочие. Вот как описывал ситуацию в партийной ячейке Кушвинского завода инструктор Уралбюро ЦК РКП(б) Шебадин в мае 1923 г.: «Справляют старые традиционные праздники. Есть случаи крестин среди коммунистов, элемента кандидатского. Иконы в домах имеются у 50 % и более... Были случаи церковных браков даже ответственных товарищей, скрываясь от местной организации, товарищи проводили это в других местах»⁹. Помимо отправления православных обрядов, наблюдались и факты обращения к языческой вере, особенно среди женщин-коммунисток. «Коммунистки не совсем еще изжили предрассудки, лобят поворожить на картах, бегают к хиромантам и цыганкам, скрываясь — добиваются своей цели»¹⁰.

Уральские коммунисты нерусской национальности (татары, башкиры) были еще в большей мере связаны путями традиционной исламской культуры. В рамках этой культуры на первом месте стояла религиозная принадлежность индивида — мусульманин, а уже потом этническая — татарин, башкир. В связи с этим партийное руководство было вынуждено проводить осторожную, взвешенную, дифференцированную, гибкую религиозную политику в отношении различных религиозных конфессий и направлений. Анализируя уральскую периодическую печать 1920-х гг. тот же А.В. Лямзин, сделал вывод о том, что ислам и сектанство находились в более привилегированном положении, еврейская власть проявляла к ним большую терпимость по сравнению с православием¹¹. В частности секретным циркуляром ЦК РКП(б) № 140 от 3-го мая 1924 г. партийным органам на местах предписывалось не препятствовать преподаванию ислама мусульманской молодежи¹². Представить подобное благосклонное отношение со стороны советской власти (в первую очередь партийных структур) к православной церкви не возможно, для нее последняя являлась пособницей царского режима, одним из его идеологических столпов. Ислам в этом отношении был «опальной» религией царской России, и с этой точки зрения лояльность к исламу могла обеспечить большевикам поддержку со стороны мусульманского населения. Однако такое дифференцированное отношение к религиозным направлениям не смогли понять руководители местных партийных организаций, долго не веря в это и обращаясь в вышестоящие инстанции с просьбой подтвердить достоверность спущенного им циркуляра.

Таким образом, можно говорить о том, что официальные антирелигиозные принципы

коммунистической партии вступали в конфликт с атавизмами религиозного мировоззрения, элементами народной веры, которые имелись у некоторой части ее членов. Поэтому говорить об осознанном атеизме абсолютно всех членов РКП(б), как свидетельствуют исторические факты, не представляется возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 156–157.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.8. Д.758. Л.155, 167.

³ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 4. С. 39.

⁴ ЦДООСО. Ф.1494. Оп.1. Д.76. Л.20а.

⁵ Жиромская В.Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 395; Корнилов Г.Е. Религиозность крестьянства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 102.

⁶ Лямзин А.В. Периодическая печать как источник по истории взаимоотношения церкви и государства в 1920-е гг. (на примере Уральского региона). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 25.

⁷ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 157.

⁸ Там же. С. 413.

⁹ ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.475. Л.54.

¹⁰ Там же. Л.55.

¹¹ Лямзин А.В. Указ.соч. С. 22, 25.

¹² ЦДООСО. Ф.6. Оп.1. Д.8. Л.35.

В.М. Гафурова
(Магнитогорск)

УРАЛОБЛСОВНАРХОЗ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ УРАЛА

Осенью 1917 г., с приходом к власти, большевики столкнулись с множеством неотложных проблем, связанных прежде всего с выводом страны из тяжелейшего экономического кризиса, обеспечения населения продовольствием и работой. Речь шла о создании очень сложного и точного механизма целенаправленного регулирования весьма противоречивых и быстро меняющихся социально-экономических процессов в стране. Движителем этого механизма выступали потребности народного хозяйства в целом. В декабре 1917 г. для управления народным хозяйством был образован ВСНХ, но этого было недостаточно. Для функционирования промышленности необходимо было создать разветвленную систему местных органов ВСНХ.

Первая попытка создания облсовнархозов была предпринята в годы гражданской войны. Данная система создавалась по территориальному признаку. Хорошо зная местные условия, будучи тесно связанными с рабочим классом и профсоюзами, они были тем необходимым звеном в организации экономики, без использования которого невозможно было восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Исключительно важное значение для организационного строительства областных экономических органов имело «Положение о районных, областных и местных совнархозах», принятое Пленумом ВСНХ 23 декабря 1917 г.¹ Оно определило принципы построения данной системы: демократический способ комплектования данных структур, выборность руководящих органов, периодически проводимые съезды; унификацию внутренней структуры, строгое определение их прав и обязанностей. Очень важным аспектом в работе Областных СНХ было то, являясь выборными, они получали директивы от периодически созываемых съездов совнархозов, то есть работа строилась с учетом региональных условий. В «Положении» нашел четкое отражение принцип двойного подчинения местных совнархозов. Создавались и действовали Областные совнархозы при Советах рабочих и крестьянских депутатов — органов, созданных по инициативе народных масс, а с другой стороны — прова-